
Преданіе Церкви и преданія школы ¹⁾.

7) Поученіе чтецу, какъ сохранилось оно въ современномъ чинѣ, представляетъ безспорно сокращеніе того же поученія по коптскому послѣдованію, что служить доказательствомъ того, что и самая молитва при хиротоніи, нынѣ употребляемая, представляетъ въ свою очередь сокращеніе аналогичнаго коптскому греческаго чина, восходящаго къ тому же пятому вѣку. Совокупность испрашиваемаго рукополагаемому чтецу въ современномъ и коптскомъ чинослѣдованіи почти тождественна. „Избери раба Твоего сего и освяти его и даждь ему со всякою мудростію и разумомъ божественныхъ твоихъ словесъ поученіе и почитаніе творити, сохраняя его въ непорочномъ жительствѣ“. По коптскому чину: „даждь ему сердце смиренно, да чтеть Писаніе и обрящетъ въ немъ разумѣніе и мудрость; слушающіе же да воздадутъ царству Твоему славу и т. д.“. „Даруй ему мудрость и духъ пророченій, да внѣдритъ словеса Твоя въ смышленіи святѣмъ въ людѣхъ Твоихъ, чтя со умиленіемъ и безъ дерзновенія, благодатію и любовію и т. д.“ И въ самомъ поученіи по коптскому чинослѣдованію: „И понежѣ дѣло сіе трудно, сего ради подобаеъ тебѣ бодрствовать и уготовлятися, во еже быти тебѣ подобну свѣтильнику сіяющему на свѣщницѣ своемъ и исполняти слухъ внемлющихъ тебѣ не только словесы чтомыми, но и толкованіемъ оныхъ“. Въ современномъ поученіи все это выражено короче: „Подобаеъ тебѣ во всякъ день божественныя писанія прочитовати, да слушающіе тя созданіе примутъ“. Не трудно замѣтить, что при сокраще-

¹⁾ Окончаніе. См. Сентябрь, стр. 166—174.

ни основной смыслъ подлинника утраченъ, а смыслъ этотъ заключается въ томъ, что чтець долженъ бодрствовать, подготавливаться къ чтенію черезъ изученіе Писанія, дабы слышны были не слова только, но и толкованіе ихъ голосомъ читающаго. „Пецыся, продолжаетъ коптское наставленіе, на всякое время вспоминати слово Господне: чтяй да разумѣть; да избравшіе тебя на служеніе видятъ доброе житіе твое и назидаются примѣромъ твоимъ и такъ вящія достигнеши степени; приведшіе же тя прославятся въ тебѣ и засвидѣтельствуютъ доброту твою во всякое время по истинѣ, о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ“. Въ коптскомъ переводѣ нѣкогда существовавшаго греческаго послѣдованія сохранена послѣдовательность мыслей, которой уже нѣтъ въ сокращенной его передѣлкѣ. Рукоположенный во чтеца долженъ изучать Писаніе, толковать его голосомъ при чтеніи, быть подобнымъ свѣтильнику на свѣщникѣ, чтобы избравшая его церковь, въ которой онъ читаетъ, видѣла доброе житіе его, назидалася его примѣромъ, приведшіе его теперь къ рукоположенію прославились и черезъ то достигъ бы онъ вящей степени, т. е. избранъ былъ бы и представленъ на нее тою самою церковью, въ которой совершаетъ онъ служеніе, или и другою. Въ сокращенной передѣлкѣ эта связь и эта послѣдовательность уже утрачены. Такимъ образомъ, въ коптскомъ чино-послѣдованіи или, точнѣе, въ послужившемъ основой его чинопослѣдованіи греческомъ мы имѣемъ безспорно прототипъ позднѣйшаго чинопослѣдованія хиротоніи чтеца, созданнаго около IX вѣка путемъ ряда пропусковъ и сокращеній. Въ виду этого мы можемъ считать пропущенными при сокращеніи и призывъ къ молитвѣ о ниспосланіи Св. Духа, общій всѣмъ чинамъ, и указаніе на изліянiе Духа Святаго на коегождо, и на посвященіе черезъ таинство. Доказательствомъ сему служить и то, что дарованіе чиновъ Церкви и уставленіе въ ней степеней служенія однимъ и тѣмъ же Св. Духомъ, избирающимъ подлежащихъ рукоположенію и возведенію въ степень и подающимъ дарованія тѣмъ, кого онъ избралъ, до сихъ поръ исповѣдуются еще Церковью при рукоположеніи иподіакона, занимающаго слѣдующую за чтецомъ степень священства. По воспроизводимой г. Неселовскимъ ошибочной и весьма поздно сочиненной системѣ, и степень иподіакона принадлежитъ также къ тѣмъ низшимъ

степенямъ клира, при возведеніи въ которыя совершается только обрядъ, а не таинство, и причеиъ совершаемое составляетъ не хиротонію, а только какую-то условную хиротесію. Но при этой хиротесіи преподается дарованіе Св. Духа, уставившаго въ Церкви степени служенія, даровавшаго ей различныя чины и распредѣляющаго коемуждо свои дарованія. Само-собою разумѣется, что при возведеніи черезъ ту же хиротонію-рукоположеніе въ различныя степени священства преподаются не тождественныя, но отличныя другъ отъ друга дары, но нельзя почитать преподаваніе однихъ даровъ за совершеніе самого таинства священства, а преподаваніе другихъ за обрядъ. Это—преданіе школы, а не преданіе Церкви.

Итакъ, вся, изложенная г. Неселовскимъ, школьно-традиціонная система безусловно невѣрна, какъ въ основаніи, такъ и во всѣхъ подробностяхъ, и вполнѣ противорѣчитъ основному преданію Церкви. Никакого отличенія хиротоніи отъ хиротесіи Церковь никогда не знала и не знаетъ, во всѣ степени священства, т. е. во всѣ іерархическія степени, начало которымъ полагаетъ степень чтеца, возводя только и исключительно черезъ хиротонію-рукоположеніе, всѣхъ же остальныхъ служителей, хотя бы они и входили въ составъ фактическаго или юридическаго клира, не составляющаго степеней, приѣмля безъ всякаго рукоположенія, а потому и безъ всякихъ хиротесій, ибо хиротесія только греческое слово, соотвѣтствующее тому же самому рукоположенію. Никакого дѣленія хиротесіи (или рукоположеній) на хиротесіи посвященія (*καθιερωσεις*) и хиротесіи благословенія (*ευλογιας*) Церковь не вѣдала и не вѣдаетъ, ибо различіе это отнюдь не свидѣтельствуется ни каноническимъ, ни литургическимъ преданіемъ, не имѣетъ ни тѣни основанія ни въ литургическихъ памятникахъ, ни въ канонахъ, будучи придумано и изобрѣтено только позднѣйшими толкователями каноновъ. Во всѣ церковныя должности, для которыхъ достаточно одного только представленія, напр. эконома, протѣкдика, парамонарія (Халкид. 2), поставленія, какъ напр. вдовъ, по Апостольскимъ Постановленіямъ, или благословенія, какъ напр. свѣщеносцевъ, привратниковъ, заклинателей, Церковь отнюдь не рукополагала, а потому какому-либо рукоположенія благословенія (*ευλογιας*) она не знала и не могла знать. Весь клиръ церковный подраздѣлялся та-

кимъ образомъ, какъ и свидѣтельствуемъ 51 правило Васи-
лія Великаго, на клиръ рукоположенный, хиротонисанный,
обнимающій собою пять степеней священства ¹⁾, клиръ въ
собственномъ смыслѣ или іерархическій, и клиръ нерукопо-
ложенный, нехиротонисанный, не представляющій степеней,
а потому и не составляющій іерархіи.

XIV.

Достигнутое нами точное установленіе понятія о клирѣ
даемъ намъ возможность вернуться къ тому исчисленію
составныхъ элементовъ Церкви или чиновъ ея, съ котораго
мы начали наше разсужденіе и которое составляетъ самую
его цѣль.

Никейскій соборъ усматриваетъ въ Церкви два чина: клиръ
(*οἱ ἐν κλήρῳ*) и чинъ мірянъ (*ταῦτα λαϊκόν*), что не исклю-
чаетъ возможности включенія въ составъ ея оглашенныхъ,
въ качествѣ младшаго, подготовительнаго чина, о которомъ
говорятъ другіе отцы, опредѣляя церковный составъ. Въ
правилѣ, изъ котораго приводимъ мы это дѣленіе, объ огла-
шенныхъ не было надобности упоминать. Принимая во вни-
маніе опредѣленный выше составъ іерархическаго клира,
надо заключать, что Никейскій соборъ отличалъ отъ чина
мірянъ или народа епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ,
иподиаконовъ, чтецовъ. Всѣ остальные служители Церкви
сливались съ народомъ, принадлежали къ народу, а потому
были мірянами. Евсевій усматриваетъ въ Церкви три чина:
оглашенныхъ, вѣрныхъ или, что то же, мірянъ, и предсто-
ятелей. Если предстоятелемъ не можетъ почитаться чтець,
то предстоятелемъ не можетъ почитаться и діаконь. Не мо-
жетъ, однако, быть, чтобы Евсевій присоединялъ діаконовъ
къ народу; въ его же трудахъ мы найдемъ указанія на при-
надлежность ихъ къ клиру. Въ богослужебномъ же отношеніи,
въ богослужебномъ собраніи церкви и чтець, и иподіаконь,
и діаконь безспорно предстоятъ народу, и потому могутъ

¹⁾ Говоря о пяти степеняхъ священства, сообразно каноническому и
литургическому преданію и свидѣтельству, мы отнюдь не устраняемъ
отличія священнослужителей отъ церковнослужителей или точнѣе слу-
жителей алтаря отъ служителей церкви внѣ алтаря.

быть совершенно правильно наименованы предстоятелями. Но ни привратникъ, ни заклинитель, ни служители вообще, ни вдовы, ни дѣвственницы, ни исповѣдники безспорно народу не предстоятъ, хотя и входятъ въ широкое понятіе о клирѣ, а потому они относятся Евсевіемъ, очевидно, къ народу. Иеронимъ, упоминая объ оглашенныхъ какъ чинѣ, видитъ въ церкви еще чинъ вѣрныхъ (т. е. мірянъ), а затѣмъ чины: епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Климентъ Римскій, не упоминая объ оглашенныхъ, такъ какъ они къ ходу его изложенія не относились, говоритъ о служеніяхъ архіерея, пресвитера, діакона и мірянина, присовокупляя, что каждый имѣетъ канонъ своего служенія. Причина, почему онъ не упоминаетъ ни о чтецѣ, ни объ иподіаконѣ совершенно проста. Этихъ должностей въ его время не существовало.

О какомъ клирѣ говоритъ Никейскій соборъ: о рукоположенномъ (хиротонисанномъ) или не получившемъ рукоположенія (*ἀχειροτόνητος*)? Мы имѣемъ точное свидѣтельство, что Никейскій соборъ признаетъ клириками только рукоположенныхъ, хиротонисанныхъ, и весь клиръ подразумѣваетъ получившимъ хиротонію, рукоположеніе. „Гдѣ или въ селахъ или во градахъ всѣ, обрѣтающіеся въ клирѣ (*οἱ εἶσι σήμεροι ἐν τῷ κλήρῳ*), окажутся рукоположенными (*χειροτονήθετες*) изъ нихъ одинъ (т. е. новаціанъ), да будутъ въ томъ же чинѣ „(*ἐν τῷ αὐτῷ σχήματι* Ник. 8). Но подъ клириками подразумѣваетъ онъ не только епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. „Ни епископу, ни пресвитеру, ни діакону, ни вообще кому либо въ клирѣ (*μήτε ὅλως τινὶ τῶν ἐν κλήρῳ* Прав. 3). Кто же эти состоящіе въ клирѣ сверхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ? Въ Церкви въ эпоху Никейскаго собора безспорно имѣлись чтецы и иподіаконы, но безспорно существовали и другіе еще виды служенія, какъ то: заклинатели, привратники, параволаны и многочисленные служители всякаго рода, о которыхъ говоритъ между прочимъ Корниліи Римскій въ своемъ посланіи, составлявшіе нерукоположенное служеніе *ἀχειροτόνητος ἐπιχρῆσία* (Вас. Вел. пр. 51). Ни соборъ Никейскій, ни Евсевій совершенно не выдѣляютъ всѣ эти виды нерукоположеннаго служенія изъ состава народа или мірянъ т. е. изъ чина мірянъ, *τέγμα λαϊκόν*; первый подразумѣваетъ весь клиръ рукоположен-

нымъ и подъ клириками—только рукоположенныхъ къ служенію; второй выдѣляетъ изъ народа только предстоятелей. Но низшею степеню служенія была степень чтеца, а потому ниже этой степени не совершалось рукоположеніе и возведеніе въ клиръ. Такимъ образомъ, подъ клириками подразумѣвались собственно епископы, пресвитеры, діаконъ, иподіаконъ и чтецы.

Принадлежащіе къ клиру называются въ канонахъ клириками (*κληρικοί*), затѣмъ состоящими въ клирѣ (напр. Ник. 3 и 5 *οἱ ἐν κλήρῳ*), выстроенными или упорядоченными въ клирѣ (*ἐν κλήρῳ ἐταχθεῖτες*) и наконецъ состоящими въ спискѣ клириковъ (*ἐν καταλόγῳ κληρικῶν*). Синонимомъ этого списка клириковъ является священническій списокъ—*κατάλογος ἱερατικός*, включающій въ себя епископа, пресвитеровъ, діаконъ и другихъ т. е. всѣхъ вообще клириковъ (Апост. 8; 18; 17; 51; 63). Объ обязательномъ веденіи этихъ списковъ по городамъ и даже по селамъ говоритъ Василій Великій въ посланіи къ хореепископамъ (по книгѣ правилъ прав. 7. 9). Тождественность священническаго списка съ спискомъ клириковъ устанавливается между прочимъ Антиохійскимъ прав. 3, въ которомъ упоминаются *οἱ τοῦ ἱερατείου*—состоящіе во священствѣ, что совершенно тождественное по содержанию Апостольское 15 передаетъ черезъ „состоящихъ въ спискѣ клириковъ“ (*τοῦ καταλόγου τῶν κληρικῶν*). Весьма знаменательно употребляемое въ церковныхъ правилахъ выраженіе *ἐν τῷ κανόνι ἐξεταζόμενοι*, выстроенные, исчисленные въ канонѣ (Ник. 16. 17). Въ составъ ихъ безспорно входили и клирики, ибо въ числѣ ихъ упоминаются пресвитеры и діаконъ; но состояніе въ клирѣ отнюдь не совпадаетъ съ состояніемъ въ канонѣ. Это явствуетъ изъ дѣйственности наказанія, къ нимъ примѣняемаго въ случаѣ, если они будутъ заниматься растовщичествомъ,—изверженіе изъ клира и обращеніе въ чуждыхъ канону (Ник. 17).

Отсюда уже явствуетъ, что клиръ и канонъ, равно какъ и состояніе въ клирѣ и состояніе въ канонѣ отнюдь не одно и то же, но относятся другъ къ другу какъ часть къ цѣлому, въ силу чего одни подвергаются общему для клириковъ наказанію т. е. изверженію изъ клира, а другіе—исключенію изъ канона. Въ правилѣ Халкидонскомъ второмъ состоящіе въ клирѣ и возводимые въ степень чрезъ рукопо-

ложеіе (епископъ или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще исчисляемые въ клирѣ *ἐν τῷ κλήρῳ κατηγορημένοι*) прямо противопоставляются состоящимъ въ канонѣ—*οἱ τοῦ κανόνα*, какъ получающимъ должность черезъ представлеіе или назначеіе—*προβολή*, каковы экономя, эдикъ или парамонарій т. е. церковный сторожъ. Такимъ образомъ къ состоящимъ въ канонѣ принадлежать не одни только клирики рукоположенные, но и всѣ виды низшаго или высшаго служеіія Церкви, всѣ носители церковныхъ должностей, которыхъ Василиій Великій, хотя и присоединяетъ къ клиру, но именуетъ нерукоположеннымъ или нехиротонисаннымъ служительствомъ (*ἀχειροτόητος ὑψηροῦσία*). Необходимо принять во вниманіе, что канонъ обозначаетъ норму, а въ частности и норму, какъ мѣру. Такъ напр. *canon frumentarius* обозначаетъ на языкѣ римско-византійскаго законодательства обязательную мѣру или норму продовольственнаго хлѣба, который должны были доставлять въ Византію отдѣльныя провинціи и преимущественно Египетъ. Такимъ образомъ состоящіе въ канонѣ (*οἱ τοῦ κανόνα*) то же, что состоящіе въ опредѣленномъ комплектѣ, штатѣ или нормѣ служителей Церкви, какъ рукоположенныхъ, составляющихъ клиръ въ собственномъ смыслѣ, такъ и нерукоположенныхъ, но присоединяемыхъ къ нему въ виду общаго для нихъ съ клириками льготнаго положенія въ государствѣ.

Къ чему же сводятся всѣ каноническія данныя по отношеію къ клиру и его положенію въ Церкви?

1) Каноны различаютъ въ Церкви три чина: а) оглашенныхъ (*κατηχούμενοι*), б) чинъ мірянъ (*τάγμα λαϊκόν, οἱ λαϊκοί*), в) клиръ (*κλήρος, οἱ ἐν τῷ κλήρῳ, οἱ ἐν κλήρῳ ἐκταχθέντες, οἱ ἐν καταλόγῳ κληρικῶν*).

2) Всѣ вообще состоящіе въ клирѣ, какую бы степень они не занимали, въ случаѣ совершенія ими церковныхъ преступленій всегда по канонамъ подвергаются изверженію изъ клира, тогда какъ совершающіе тѣ же преступления міряне отлучаются отъ Церкви или отъ общенія церковнаго. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ изверженіе сопровождается и отлучеіемъ. Различіе между *καθαιρεῖσθαι* и *ἀφορίζεσθαι* служить и признакомъ различія между клириками и мірянами. Напр. Апост. 63. 64. 65. 66. 25.

3) Клиръ составляютъ епископы, пресвитеры, діаконы; но

не они одни. Каноны, перечисляя эти три степени, присовокупляютъ „и всѣ вообще состоящіе въ клирѣ“ (Ник. 3) или „и прочіе клирики“ (Апост. 2; 25; 31; 56). Кто же еще принадлежитъ къ клиру? На это можетъ быть данъ отвѣтъ по способу возведенія въ клирѣ, по предъявляемымъ къ клирикамъ требованіямъ и по фактическому перечисленію въ правилахъ. Полное перечисленіе даетъ только 69 Апостольское правило, упоминая и объ отличительномъ признакѣ клириковъ и мірянъ въ видѣ разности полагаемаго наказанія за пропуски. „Если кто епископъ или пресвитеръ, или діаконъ или чтець, или пѣвецъ—да будетъ изверженъ (*καθαιρέσθω*), если же мірянинъ, да будетъ отлученъ (*ἀφορίζέσθω*).

4) Въ клирѣ, представляющій послѣдовательный рядъ степеней отъ епископа до чтеца (или пѣвца, вѣроятно, составляющаго ту же степень, хотя и отличное служеніе), Церковь возводитъ не иначе, какъ черезъ хиротонію, вмѣщающую въ себя хиротесію-рукоположеніе, чѣмъ и полагается отличіе хиротонисаннаго клира отъ нехиротонисаннаго служенія Церкви (Василій Великій Пр. 51. Ник. 3. 8. 17 Халк. 2, 1 Констант. 4). Всѣ степени клира суть степени священства, изъ коихъ „первая степень священства—чтець есть“. Оттого „списокъ клириковъ“ *κατάλογος τῶν κληρικῶν* представляется по канонамъ совершенно тождественнымъ съ „священническимъ спискомъ“ *ἱερατεῖον* (Авт. 3. Апост. 15. 16), а состоящія въ клирѣ суть состоящія въ священствѣ ¹⁾.

5) На ряду съ состояніемъ въ клирѣ соборныя правила указываютъ еще на болѣе широкое собирательное понятіе состоянія въ канонѣ (*οἱ τοῦ κανόνος*), обнимающее собою какъ состоящихъ собственно въ клирѣ и возведенныхъ въ его степени отъ епископа до чтеца, такъ и не имѣющихъ степеней церковнаго служенія (Никейск. 16. 17. Халкид. 2. Лаодик. 15). Первые возводятся въ клирѣ черезъ рукоположеніе; вторые только представляются и назначаются (*προδολή* Халкид. 2) и составляютъ нерукоположенное служитель-

¹⁾ Лаодикійскія правила, отличающія освященныхъ (*ἱερατικοῦς*) т. е. епископа, пресвитера и діаконъ, отъ клириковъ, т. е. прподіаконъ и чтецовъ или пѣвцовъ (Прав. 3. 4. 13. 27. 30. 36. 41. 42. 54. 55) стоятъ совершенно особнякомъ, отличаясь отъ общекавовической и литургической терминологіи. Когда именно былъ Лаодикійскій соборъ — намъ совершенно неизвѣстно.

ство— *ἀχειροτόμητος ἐπληροβία* (Вас. Вел. Пр. 51). Первые при совершении ими определенных проступков (напр. взимание роста) подвергаются специально для клириковъ всѣхъ степеней наказанію „изверженію“ — *κιδαιρέσις*; вторые становятся только отчужденными отъ канона, ненаходящимися въ канонѣ т. е. исключаемыми изъ списка и утрачивающими черезъ то какъ самое свое служеніе, такъ и сопряженныя съ нимъ льготы (Никейск. 16). Правило Василія Великаго (51) причисляетъ къ клиру и именуетъ клириками какъ занимающихъ степени и для того рукоположенныхъ или хиротонисанныхъ, такъ и несущихъ нехиротонисанное служеніе (*ἀχειροτόμητος ἐπληροβία*). Въ этомъ случаѣ онъ говоритъ очевидно о клирѣ, составъ коего определенъ императорскими эдиктами, причисляющими къ клиру, какъ льготному сословію, и остіаріевъ, и парамонаріевъ и эдиковъ, и параволянъ т. е. всѣхъ вообще служащихъ при церкви, а не о клирѣ-іерархіи. Такимъ образомъ, между клиромъ (въ собственномъ смыслѣ) и народомъ мы имѣемъ, какъ уже говорили мы, рассматривая перечисленіе служебныхъ лицъ, служебнаго персонала Римской церкви, по посланію Корнилія Римскаго, промежуточное звено нерукоположеннаго служительства—принадлежащихъ и клиру и народу, устраняющее черезъ то рѣзкую грань между народомъ и клиромъ.

6) Исключаютъ ли всецѣло каноны всѣхъ состоящихъ въ клирѣ или клириковъ изъ состава народа и изъ чина мірянъ? Мы уже отвѣчали на вопросъ этотъ ранѣе, исходя изъ общаго понятія о Церкви, какъ родѣ избранномъ, народѣ святомъ, царственномъ священствѣ, въ коемъ всѣ содѣланы царями и священниками Богу и Отцу, въ коемъ дары различны, а Духъ одинъ, и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же, и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ, но каждому дается проявленіе Духа на пользу (1 Петра II, 9; Откр. I, 6; 1 Кор. XII, 4—7). Мы отвѣтили въ свое время на вопросъ этотъ видоизмѣненіемъ извѣстныхъ словъ Тертуллиана: *annon et laici sacerdotibus sumus* въ *annon et sacerdotes laici sunt*. Но и каноны даютъ намъ на поставленный выше вопросъ отнюдь не иной, а совершенно тотъ же самый отвѣтъ. Третье правило Анкирскаго собора говоритъ о сущихъ въ клирѣ и *иныхъ* лаикахъ или мірянахъ (*τῶν ἐκ τοῦ κλήρου καὶ τῶν ἄλλων λαϊκῶν*). Си-

нодальнѣй переводъ, руководствуясь преданіемъ школы, а не преданіемъ Церкви, для чего точно подобало бы слѣдовать дѣйствительному тексту каноновъ, какъ преданіе это выражающихъ, говорить: „Сіе относится равно и къ сущимъ отъ клира, и къ прочимъ *то-есть* лаикамъ“. Преданія школы, можетъ быть, такъ и толкуютъ, но Церковь словами канона вѣщаетъ вовсе не такъ. Во - первыхъ, выраженіе „то есть“ совершенно произвольная и ничѣмъ не оправдываемая вставка, чему въ переводѣ каноновъ не надлежало бы быть и что по 2-му Трульскому правилу налагаетъ на виновныхъ епитимію ¹⁾. Во-вторыхъ, *ἄλλοι* слѣдовало бы переводить не черезъ прочіе (*λοιποί*), а черезъ иные. Такимъ образомъ правило говорить о состоящихъ въ клирѣ или причисленныхъ къ клиру и объ иныхъ членахъ народа церковнаго или иныхъ лаикахъ или мірянахъ. Такимъ образомъ клирики и по произведеніи ихъ въ клиръ не перестаютъ быть лаиками или мірянами. „Состоящіе въ клирѣ и иные міряне — *οἱ ἐκ τοῦ κλήρου καὶ ἄλλοι λαϊκοί*. Было также изслѣдовано, продолжаетъ правило, могутъ ли и міряне (*λαϊκοί*), подвергшіеся тому же насилію, т. е. съѣвшіе идоложертвованное, вопреки сопротивленію вложенное насиліемъ, быть производимыми въ чинъ или строй—*εἰς τάξιν προάγεσθαι*. Отсюда явствуетъ, что клирики суть производимые въ чинъ или строй міряне и по производствѣ своемъ не выходящіе изъ состава народа и потому не перестающіе быть членами народа, лаиками или мірянами.

Все произведенное выше изслѣдованіе приводитъ къ тому, что Церковь признаетъ мірянъ чиномъ церковнымъ (*τάγμα λαϊκόν*) и вообще признаетъ въ себѣ три состоянія или чина: оглашенныхъ (*τάξεις κατηχομένων* Неокес. 10), мірянъ (*τάγμα λαϊκόν* Ник. 5. Констант. 6) и клириковъ—*οἱ ἐν τῷ κλήρῳ* и т. п.), подразумѣваемыхъ въ общемъ понятіи о клирѣ (*ὁ κλήρος*). Все это вполне совпадаетъ съ опредѣленіями состава Церкви у Климента Римскаго, Евсевія и Иеронима.

Итакъ, говоря о чинѣ мірянъ (*τάγμα λαϊκόν*), какъ и о

¹⁾ „Аще бо кто обличенъ будетъ, яко нѣкое правило изъ вышереченныхъ (къ коимъ относятся и правила Анкирскаго собора) покусился превратити или измѣнити, таковой будетъ повиненъ противъ того правила повести епитимію, каковую оно опредѣляетъ, и черезъ оное врачуемъ будетъ отъ того, въ чемъ прегрѣнулся“.

чинъ клириковъ и священническомъ чинѣ (*τάγμα ιερατικόν*), мы слѣдуемъ только церковной терминологіи и преданію Церкви, хотя и отступаемъ отъ терминологіи школы и преданія школы.

Во всѣ степени клира восходятъ черезъ рукоположеніе. Въ чинъ мірянъ Церковь возводитъ черезъ крещеніе, а крещеніе сопровождаетъ такъ же рукоположеніе и притомъ епископское (по существу) рукоположеніе, сообщающее дары и благодать Духа Святаго. Мы видимъ это рукоположеніе, какъ необходимое для сообщенія Духа Святаго въ періодъ апостоловъ; мы видимъ его въ послѣдующіе вѣка, какъ сопутствующее и крещенію и мвропомазанію и подающее ту же благодать Духа Святаго; мы имѣемъ его и теперь, какъ вступительный актъ къ крещенію въ соединенномъ съ нимъ чинѣ „во еже сотворити оглашеннаго“, какъ находимъ слѣды его и въ постепенномъ видозмѣненіи послѣдованій и крещенія и мвропомазанія.

Итакъ, мы не отступаемъ ни мало отъ преданія и терминологіи Церкви, говоря о рукоположенныхъ мірянахъ и о рукоположеніи мірянъ, хотя и не идемъ рука объ руку съ терминологіей школы и преданіями школы. Церковь вѣдаетъ какъ чинъ мірянъ, такъ и рукоположеніе въ этотъ чинъ; школа не вѣдаетъ ни того, ни другого. Но мы вѣруемъ въ Церковь, а не вѣруемъ въ школу. „Черезъ епископа“, говорится мірянамъ въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, „Господь далъ вамъ Духа Святаго при *рукоположеніи*; черезъ него вы запечатлѣны елеемъ радованія и мвромъ разумѣнія; черезъ него вы оказались сынами свѣта; черезъ него во время просвѣщенія (крещенія) вашего Господь, свидѣтельствуя о рукоположеніи епископа, надъ каждымъ изъ васъ издалъ священный гласъ, говоря: снявъ мой еси ты, Азъ днесъ родихъ тя“ (Псал. II, 7. Апостольск. Постан. II, 132).

Вѣрность этихъ словъ свидѣтельствуется всѣмъ приведеннымъ выше литургическимъ и каноническимъ матеріаломъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ предлагаемаго кропотливаго и объемистаго труда явствуется прежде всего то, что вся аргументація „предсо-

борныхъ канонистовъ“ не только не имѣетъ ни тѣни научнаго основанія, но и идетъ совершенно въ разрѣзъ съ дѣйствительною наукой. Иначе не могло и не можетъ быть. Церковная наука можетъ только воспроизводить церковное преданіе, почерпая его изъ всѣхъ памятниковъ—самоисповѣданія Церкви—учительныхъ, богослужебныхъ и каноническихъ. Она можетъ разыскивать эти памятники, провѣрять ихъ останками древнѣйшаго преданія, сличать ихъ между собою, опредѣлять сравнительное достоинство ихъ и значеніе, выводить изъ нихъ тѣ или иныя заключенія и т. д. Потому она и не можетъ идти въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ преданіемъ Церкви, будучи по содержанию тождественной съ нимъ. Церковная наука, будучи наукою и не отступающая отъ своихъ задачъ, не можетъ расходиться съ преданіемъ Церкви, ибо это преданіе составляетъ матеріалъ, подлежащій изученію ея и изслѣдованію, основу всѣхъ выводовъ ея и заключеній. Только отступающая отъ преданія Церкви, открываетъ она просторъ для школьныхъ традицій и для преданія человѣческаго, не имѣющихъ для нея никакого значенія, какъ не имѣютъ они значенія и для Церкви. Только открывая просторъ преданію человѣческому и традиціямъ школы, церковная наука утрачиваетъ присущую ей свободу, становится рабскимъ, а не свободнымъ трудомъ. Оттого-то вся аргументація „предсоборныхъ канонистовъ“, будучи не-научною, представляется черезъ то и не-церковною.

Въ сущности вся аргументація эта сводится къ цѣлому ряду достаточно грубыхъ и вопіющихъ ошибокъ. Только для того, чтобы приговоръ этотъ не показался бездоказательнымъ и преувеличеннымъ даже и послѣ всего, произведеннаго нами, изслѣдованія, приведемъ краткое ихъ перечисленіе.

1) Утверждаютъ, что „проручество“ (*προχειρισίς*) составляетъ указаніе рукою епископа, хотя глаголь *προχειρίζομαι* ни въ классическомъ, ни въ церковномъ греческомъ языкѣ никогда указанія рукою не обозначаетъ и ни въ одномъ чинѣ возведенія въ степень указанія рукою епископа не производится, а самое проручество во всѣхъ чинопослѣдованіяхъ объявляется исходящимъ не отъ епископа, а отъ божественной благодати, всегда немощная врачующей и ослабѣвающая вспомошествоющей.

2) Все вниманіе „предсоборныхъ канонистовъ“ и „литургистовъ“ привлекается и парализуется словами епископа: „проручествуемаго отъ мене“. Но во-первыхъ, слова эти принадлежать только позднѣйшимъ чинопослѣдованіямъ и совершенно отсутствуютъ въ древнѣйшихъ. Во-вторыхъ, по церковнымъ, каноническимъ памятникамъ (Посланіе Никейскаго собора въ Александрію) проручествуетъ по крайней мѣрѣ весь клиръ, если не почитать такимъ же проручествомъ выборную дѣятельность всего народа, о которой говорить тотъ же каноническій памятникъ. Въ-третьихъ, и въ позднѣйшихъ чинопослѣдованіяхъ епископъ именуется рукополагаемаго „проручествуемымъ отъ него“ только послѣ того, какъ объявилъ уже его проручествованнымъ Божественною благодатью, которая и привела его къ предстоящему рукоположенію. Ясно, что, если весь клиръ или даже весь клиръ и народъ проручествовали приводимаго къ рукоположенію, то и епископъ свое согласіе на рукоположеніе, подачу своего голоса можетъ почитать такъ же проручествомъ и притомъ заключительнымъ, хотя объ этомъ не упоминается въ древнихъ чинахъ.

3) „Предсоборные канонисты и литургисты“ придаютъ проручеству (*προχέρονος*) значеніе преподаванія божественной благодати, а слѣдовательно и благодати священства, упуская изъ вида, что объявленіе о совершившемся проручествѣ только сопровождается призывомъ всей церкви къ молитвѣ о ниспосланіи божественной благодати Духа Святаго на имѣющаго быть рукоположеннымъ. Проручествующая благодать только приводитъ къ рукоположенію, сопровождаемому ниспосланіемъ дарованія Духа Святаго, отмѣченнаго ею въ качествѣ достойнаго кандидата, но не вызываетъ еще самого ниспосланія, которое должно быть испрошено еще моленіемъ всей церкви т. е. стоитъ еще впереди.

4) „Предсоборные канонисты и литургисты“ въ слѣпномъ увлеченіи словами епископа: „его же благословилъ еси проручествоватися отъ мене“, не обращаютъ вниманія на суть этого послѣдняго проручества, указуемую тѣми же словами рукополагающаго епископа: „во еже благоволилъ еси проручествоватися отъ мене въ непорочномъ жителствѣ и неуклонной вѣрѣ“. Ясно, что проручество епископа имѣетъ отношеніе не къ возведенію въ степень, не къ рукопо-

ложенію и не къ преподаванію благодати, а только и исключительно къ предшествующей приводе оцѣнкѣ качествъ имѣющаго быть рукоположеннымъ, къ искусу или испытанію, въ которомъ участвовалъ и народъ: аще можетъ и народъ свидѣтельствовать о немъ, но въ которомъ и епископъ, конечно, долженъ былъ имѣть и свой голосъ.

5) Предсоборные канонисты и литургисты въ лицѣ проф. Дмитріевскаго, не оспариваемаго соратниками его, утверждаютъ, что употребленное во 2-й молитвѣ при хиротоніи діакона изреченіе: „не бо въ наложеніи рукъ моихъ, но въ посѣщеніи великихъ щедротъ Твоихъ дается благодать достойнымъ Тебѣ“ представляетъ только выраженіе личнаго смиренія епископа, а не исповѣданіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Утвержденіе это во-первыхъ влагаетъ въ уста рукополагающаго епископа завѣдомую ложь или неправду, ибо, если благодать дается достойнымъ въ наложеніи рукъ епископа, то епископу незачѣмъ было бы скрывать установленнаго и содѣяннаго самимъ Богомъ, и не ему, а Богу составляющаго хвалу. „Руками апостоловъ совершились въ народѣ многія знаменія и чудеса“ (Дѣян. V, 12), но апостолы не почитали ихъ дѣломъ рукъ своихъ, а приписывали ихъ Богу, говоря: „Ты простираешь руку Твою на исцѣленіе и содѣланіе знаменій и чудесъ именемъ Святаго Сына Твоего Иисуса“ (Дѣян. IV. 30). По теоріи проф. Дмитріевскаго, выходило бы, что и это исповѣданіе апостоловъ передъ Богомъ представляетъ тоже только выраженіе личнаго смиренія апостоловъ, а въ дѣйствительности знаменія и чудеса исходили отъ нихъ. „Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ; посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а Богъ возвращающій“ (1 Кор. III, 6. 7). По теоріи проф. Дмитріевскаго, и эти слова представляютъ только выраженіе личнаго смиренія Ап. Павла, а не простое признаніе факта, какъ онъ состоитъ и какъ происходитъ. Но апостолы говорили отъ себя, а потому присущее имъ смиреніе могло побуждать ихъ въ собственномъ ихъ исповѣданіи умалять собственное ихъ участіе въ фактѣ, относя исключительно къ Богу то, что принадлежало и имъ. Но литургическое исповѣданіе епископа, выражаемое въ словахъ „не бо въ наложеніи рукъ моихъ и т. д.“ есть исповѣданіе полневольное, **вынужденное**, влагаемое въ уста епис-

копа самую Церковь и для него обязательное. Никакая личная гордыня не может удержать его от произнесения смиряющей его формулы исповѣданія, ибо она составляет исповѣданіе самой Церкви, которая никогда не говорит и „да“ и „нѣтъ“, а въ данномъ случаѣ прямо исповѣдуетъ, что не въ наложеніи рукъ епископа, а въ посѣщеніи великихъ щедротъ самого Бога дается благодать достойнымъ Его. Какъ литургисты, проф. Дмитріевскій не долженъ былъ бы приписывать епископу слова Церкви, влагаемая въ уста его, отъ его произволенія и усмотрѣнія отнюдь не зависящія и не изъ его личного сознанія или міра вытекающія; но, какъ дѣйствительный литургистъ, онъ не долженъ былъ бы оставлять безъ вниманія и того, что, если бы благодать давалась въ наложеніи рукъ епископа, то незачѣмъ было бы призывать всю церковь къ молитвѣ о томъ, да снидетъ на рукополагаемаго благодать всесвятаго Духа. Какъ истинный литургистъ, проф. Дмитріевскій не долженъ былъ бы оставить внѣ соображенія и того, что, уже наложивъ руку на хиротонисуемаго, епископъ говоритъ: „Самъ владыко всѣхъ и сего... благоволи подъяти великую сію благодать святаго Твоего Духа“. Или „Самъ владыко всѣхъ и сего“, по представленію проф. Дмитріевскаго, поднимаетъ „великую благодать сію“ изъ руки епископа, приводитъ ее черезъ волосы, черепъ, мозгъ и кровяные сосуды рукополагаемаго? Какъ литургистъ, вникающій въ содержаніе изслѣдуемаго и прямо изъ него, а не изъ четырехъ вѣтровъ производящій свои заключенія, проф. Дмитріевскій долженъ былъ бы обратить вниманіе на то, что, въ концѣ первой молитвы при хиротоніи пресвитера, дарованія, пріемлемыя рукополагаемымъ, признаются исходящими отнюдь не отъ возлагаемой руки епископа, а „отъ Твоея предзнательныя силы“. Если же это сокращенное указаніе на „предзнательную силу“, какъ источникъ получаемыхъ при рукоположеніи даровъ, представлялось для проф. Дмитріевскаго недостаточно вразумительнымъ, то онъ долженъ былъ бы обратиться за истолкованіемъ къ первой молитвѣ при поставленіи діакона, гдѣ та же исконн вложенная въ молитву мысль сохранена отчетливѣй и яснѣй. „Господи Боже нашъ, предзнавиѣмъ Твоимъ Святаго Твоего Духа подаваніе виспосылай на опредѣленныя отъ Твоея неизслѣдныя силы служи-

телемъ быти и работати несквернымъ Твоимъ тайнамъ, Самъ, владыко и т. д.“¹⁾ Я называю мысль о предзнаніи и промыслѣ Божиємъ, какъ источникъ ниспосыланія Св. Духа и дарованіи Его, исконно вложенною въ молитву потому, что она подробно выражена и въ молитвахъ при рукоположеніи епископа и пресвитера въ Апостольскихъ Постановленіяхъ и въ молитвѣ при рукоположеніи діакона у Серапіона Тмунтскаго, а также и въ нѣкоторыхъ коптскихъ чинахъ. Наконецъ, какъ литургистъ, долженствующій постигать литургическія формулы въ свѣтѣ новозавѣтнаго Писанія, проф. Дмитріевскій долженъ былъ бы обратить вниманіе и на то, что по образцамъ апостольскаго вѣка, Духъ Святой сходитъ на получившихъ крещеніе при молитвенномъ возложеніи рукъ апостольскихъ, но сходитъ и можетъ сходить въ случаѣ надобности и безъ него, какъ низошелъ онъ на Корнилія и весь домъ его. Этотъ образецъ апостольскаго вѣка представляетъ громадную и совершенно особенную важность. Въ настоящее время ни крещеніе ни мѣропомазаніе не сопровождаются рукоположеніемъ, какъ сопровождались они въ первые вѣка христіанства, при чемъ именно по примѣру апостольскаго вѣка сообщалась благодать Духа Святаго, дары которой нынѣ запечатлѣваются при помазаніи мѣромъ. Что-же? Слѣдуетъ ли изъ того, что крещеніе и мѣропомазаніе имѣли нѣкогда при наличности рукоположенія значеніе сообщенія даровъ Духа Святаго, а нынѣ при отсутствіи рукоположенія уже не имѣютъ его? Разумѣется, нѣтъ. Этимъ и поясняется глубокій смыслъ исповѣданія Церкви, выражаемаго устами „не бо въ наложеніи рукъ моихъ, но въ посвщеніи богатыхъ щедротъ Твоихъ (τῶν οὐκτι-

1) Насколько смутно понимается смыслъ литургическихъ формулъ современными литургистами и насколько небрежно относятся они къ этому смыслу, видно изъ слѣдующей и затемняющей всякій смыслъ пунктуации, которой сопровождаемы они въ печатныхъ изданіяхъ. Приведенныя выше слова въ Чиновникѣ архіерейскаго служенія сопровождаемы слѣдующими, заключаемыми нами въ скобки, нарушающими смыслъ знаками препинанія. „Господи Боже нашъ, предзнаемъ Твоимъ (,) Святаго Твоего Духа подаваніе (,) ниспосылая на опредѣленныя отъ Твоея неислѣдныя силы служителемъ быти (,) и работати несквернымъ Твоимъ тайнамъ“...? Неселовскій перепечатываетъ молитву съ тѣми же самими нарушающими смыслъ знаками препинанія.

οὐδὲν σοῦ) дается благодать достойнымъ Тебе“. Итакъ заявленіе проф. Дмитріевскаго, что слова „не бо въ наложеніи рукъ моихъ и т. д.“ представляютъ только выраженіе личнаго смиренія епископа, противорѣчитъ всѣмъ даннымъ, представляемымъ церковною наукою, какъ собирательницею церковнаго преданія, какъ противорѣчитъ оно и самому Преданію Церкви.

6) „Предсоборные канонисты“ (проф. Алмазовъ) и ученые (проф. Глубоковскій) утверждаютъ, что діаконство апостольскаго періода и вообще содержаніе 6-ой главы Дѣяній Апостольскихъ не имѣетъ прямого отношенія къ нашему діаконству, какъ іерархическому чину, при чемъ опираются на 16 правило Трульского собора и на приводимые въ этомъ правилѣ слова Златоуста. (Церк. Вѣд. 1906 г. № 51 стр. 220) Приводимое правило исходитъ изъ вопроса о томъ, можетъ ли быть въ церкви города болѣе семи діаконствъ, и объясняетъ сложившуюся практику тѣмъ, что діаконъ апостольскаго вѣка были только служителями трапезы, а нынѣ они служители таинствъ, почему ихъ можетъ быть и болѣе семи. Но сдѣлавшись служителями таинствъ, діаконъ не должны были непременно порвать связь съ прежнимъ своимъ служеніемъ. Апостольскія Постановленія обильно свидѣтельствуютъ намъ наряду съ другими памятниками, что діаконъ, получивъ литургическое служеніе и даже наименованіе литурговъ и левитовъ, съ первоначальнымъ ихъ назначеніемъ ничего общаго не имѣющихъ, продолжали и прежнее свое назначеніе, въ качествѣ посредниковъ между епископомъ и бѣдными. Сами каноны (Апост. 41, Антиох. 24. 25) указываютъ на участіе діаконствъ въ распорядкѣ церковнымъ имуществомъ, какъ достояніемъ бѣдныхъ, отнюдь не устраняя этимъ ихъ служенія таинствамъ и вообще литургическаго ихъ служенія, на которое и содержатъ въ себѣ указанія (Никейск. 18). Указаніе на Златоуста не имѣетъ въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія, ибо Златоустъ выражаетъ только свое предположеніе. „Сего ради думаю, что ни имя діаконствъ, ни пресвитеровъ не было извѣстно и употребительно“. Но о какомъ времени говоритъ онъ? Нельзя же предположить, что онъ говоритъ о томъ времени, когда діаконъ были подъ этимъ самымъ именемъ выбраны, поставлены, рукоположены и дѣйствовали въ Іерусалимѣ и когда

имя ихъ не могло уже быть неизвѣстнымъ. Златоустъ говоритъ только то, что въ то время, въ которое были рукоположены первые діаконы, не было въ церкви ни діаконствъ, ни пресвитеровъ, ни епископовъ, а были одни только апостолы, въ силу чего нельзя сказать съ опредѣленностью, въ какую именно степень были они рукоположены: въ степень ли діаконствъ или въ степень пресвитеровъ? Этимъ ограничивается выдержка изъ Златоуста въ 16 правилъ Трульскаго собора. Въ самомъ же толкованіи на книгу Дѣяній (14 Бесѣда § 3) Златоустъ высказываетъ предположеніе, но только предположеніе, что первые діаконы, если и не были первыми пресвитерами, то приближались къ этимъ послѣднимъ по своему значенію, что представлялось вполне возможнымъ, такъ какъ при рукоположеніи ихъ ни діаконствъ, ни пресвитеровъ, ни, даже, епископовъ еще не существовало, что открывало имъ возможность и болѣе широкаго по объему служенія. Совершенно ясно, что ни 16 правило Трульскаго собора, ни слова Златоуста не устраняютъ преемственной связи между діаконствомъ апостольскаго періода и современнымъ діаконствомъ, какъ іерархическимъ. До нельзя страннымъ представляется только то, что ни проф. Алмазовъ, ни проф. Глубоковскій не сочли нужнымъ обратиться съ запросомъ къ самой Церкви, не потрудились узнать, какъ именно смотритъ она на рукополагаемыхъ ею до сего времени діаконствъ: какъ на преемниковъ иѣкогда вѣреннаго апостолами первымъ діаконамъ служенія или какъ на новый іерархическій чинъ, не имѣющій къ первому діаконству прямого и непосредственнаго отношенія? Отвѣтъ получается вполне утвердительный, но только въ смыслъ прямого и непосредственнаго преемства т. е. совершенно вопреки завѣренію предсоборныхъ ученыхъ. Въ молитвѣ рукоположенія діакона въ Постановленіяхъ Апостольскихъ говорится: „Услыши молитву нашу, Господи, и вонми моленію нашему, и яви лицо Твое на раба Твоего сего, избраннаго Тебѣ во діаконство, и исполни его Духа Святаго и силы, яко исполнилъ еси Стефана мученика и подражателя страстемъ Христа Твоего и сподоби его, благоугодно служаща врученное ему служеніе и т. д. (Апост. Пост. VIII, 17). По Евхологію Серапіона Тмунтскаго: Отецъ Единороднаго, пославшій Сына Своего и распредѣлившій (διανεῖσαι) дѣла на землѣ и каноны

для Церкви (*τῆ ἐκκλησίᾳ*) и чины даровавшей на пользу и спасение стадъ, избравшей епископовъ, и пресвитеровъ, и диаконовъ на служение католической Своей Церкви, избравшей черезъ Единороднаго Сына семь диаконовъ и даровавшей имъ Духа Святаго, поставъ и сего диакономъ католической Своей Церкви и дай ему Духъ вѣдѣнія и разумѣнія, чтобы онъ могъ служить среди народа Твоего чисто и непорочно и т. д.“ (Евхологій IV вѣка стр. 21) По употребляемому и нынѣ чинопослѣдованію: „даруй же ему благодать, юже даровалъ еси Стефану первомученику Твоему, его же и призвалъ еси перваго въ дѣло служенія Твоего и удостой его по благоугодному Тебѣ строити отъ Твоея благости данный ему степень и т. д.“ И въ другой молитвѣ: „Боже Спасе нашъ, нетлѣннымъ Твоимъ гласомъ апостоломъ Твоимъ уставивый діаконства законъ и первомученика Стефана сицеваго показавый и перваго его провѣствовавый діакона полняща дѣло (т. е. исполняющимъ дѣло діаконства) и т. д.“ Итакъ, Церковь отъ древнѣйшихъ временъ и до сего даже дня открыто исповѣдуетъ при рукоположеніи диаконовъ, что она видитъ въ нихъ преемниковъ того самаго служенія, которое ввѣрено было нѣкогда имъ самими апостолами, преемниковъ Стефана и первыхъ семи диаконовъ Церкви... Предсоборные ученые, оставляя въ сторонѣ свидѣтельство и исповѣданіе самой Церкви, продолжающіяся и нынѣ, завѣряютъ совершенно противное.

7) Предсоборные канонисты избрѣли право делегаціи (*jus delegationis*), точнѣе же заимствовали его изъ римско-католическихъ учебниковъ, гдѣ оно представляется вполне умѣстнымъ, перенеся его въ область православія, гдѣ оно не имѣетъ ни основаній, ни оправданія. Въ подтвержденіе сего и сообразно сему проф. Дмитріевскій, опираясь на якобы открытый имъ чинъ хиротоніи ставрофора, доказываетъ, что для вступленія въ составъ церковныхъ судей требовалось „іерархическое посвященіе“, что „судьями церковными могли быть только іерархическія лица, получающія право это черезъ особую хиротонію“ и что судящій въ силу этого „іерархическаго посвященія или этой хиротоніи являлся „*наместникомъ*“ т. е. сидящимъ на тронѣ, на мѣстѣ епархіальнаго архіерея“. Все это разсужденіе включаетъ въ себя такую массу ошибокъ, недоразумѣній и неточностей, въ свое время

нами документально - разоблаченныхъ, что въ настоящемъ, краткомъ перечнѣ или обзорѣни совокупность всего измышленнаго и непонятнаго можетъ быть изложена только вереницею отдѣльныхъ пунктовъ.

а) Никакого открытія изданный г. Дмитріевскимъ чинъ не представляетъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ въ примѣненіи къ ставрофору только передѣлку или плохой пересказъ чина „великаго нареченія“ во епископа съ соотвѣтствующею замѣною наименованій.

б) Общаго для всѣхъ ставрофоровъ чина хиротоніи существовать не могло, ибо ставрофоры несли совершенно различные виды служенія, и наименованіе ставрофоровъ было только групповымъ наименованіемъ украшенныхъ крестами лицъ, а не наименованіемъ опредѣленнаго служенія. Хиротонія перваго изъ ставрофоровъ—великаго эконома совершалась вполне отлично отъ якобы открытаго общаго чина. Хартофилаксу вручалось кольцо, а не евангеліе, и при врученіи произносилась совершенно иная формула.

в) Врученіе евангелія съ соотвѣтствующими словами свидѣтельствуется, что „чинъ хиротоніи ставрофора“ представляетъ вопреки наименованію только чинъ хиротоніи одного изъ шести ставрофоровъ именно протекдика. Но протекдикъ причисленъ къ первой пентадѣ т. е. къ ставрофорамъ только въ послѣднее десятилѣтіе 13 вѣка, а существованіе ставрофоровъ продолжалось только до занятія Константинополя турками. Такимъ образомъ, если чинъ „хиротоніи ставрофора“ и имѣлъ дѣйствительное примѣненіе по отношенію къ протекдику, а не ко всѣмъ ставрофорамъ вообще, что само по себѣ весьма сомнительно, то примѣненіе этого чина длилось всего около двухсотъ лѣтъ, что дѣлаетъ его явленіемъ спорадическимъ и отнимаетъ отъ него всякое руководственное для Церкви значеніе. Но и въ 13 вѣкѣ „чинъ хиротоніи ставрофора“-протекдика произойти не могъ, ибо въ немъ рукополагаемый называется „великимъ“. Между тѣмъ титулъ „великаго“ впервые данъ былъ одному изъ ставрофоровъ, именно хартофилаксу Куталесу только въ первой половинѣ 14 вѣка, и должно было пройти немалое время для того, чтобы этотъ личный титулъ сдѣлать обычнымъ наименованіемъ всѣхъ вообще ставрофоровъ, включая и послѣдняго, шестого члена т. е. протекдика. Такимъ обра-

зомъ „чинъ хиротоніи ставрофора“ не могъ возникнуть ранѣе второй половины 14 вѣка или начала 15-го т. е. незадолго до взятія Константинополя турками и упраздненія титула ставрофоровъ, какъ и самого института.

д) Ставрофоры вовсе не были судьями, какъ завѣряетъ г. Дмитріевскій, вставляя выраженіе „судья ставрофоръ“ даже въ текстъ предложеннаго имъ Предсоборному Присутствію и напечатаннаго въ журналахъ его перевода, а несли каждый свои совершенно особыя и отнюдь не судебныя обязанности: великаго эконома, хартофилакса, сакелларія и т. д.

е) Въ частности и протекдикъ вовсе не былъ церковнымъ судьей; онъ подготовлялъ и предлагалъ патріарху рѣшеніе по маловажнымъ дѣламъ, производилъ по нѣкоторымъ дѣламъ слѣдствія, наблюдалъ за исполненіемъ церковныхъ рѣшеній и, какъ экдикъ вообще, принималъ подъ свою охрану ищущихъ покровительства у Церкви, рѣшая, когда выдача ихъ государству представляется необязательною и примѣняемая мѣры къ склоненію преслѣдующихъ на примиреніе, но не произнося никакого суда.

ж) Намѣстничество и замѣщеніе патріарха въ дѣлѣ церковнаго суда, который вообще протекдикомъ не производится, основывается на предполагаемомъ г. Дмитріевскимъ посаженіи новаго ставрофора на патріаршій тронъ. Но самое это предположеніе зиждется на грубомъ непониманіи открытаго и изданнаго текста. Новоназначенный ставрофоръ не *сажается* благочестно, какъ переводитъ г. Дмитріевскій, а соразмѣрно или соотвѣтственно *садится* и притомъ не на тронъ, на которомъ сидитъ въ это время патріархъ, а на ступени трона, гдѣ сидятъ уже прочіе ставрофоры, такъ какъ ступени трона составляютъ обычное ихъ мѣсто сидѣнія въ собраніяхъ и въ храмѣ.

Вотъ съ какою наукою приходилось имѣть дѣло членамъ предсоборнаго присутствія.

8) „Чинъ хиротоніи ставрофора“, говоритъ проф. П. П. Соколовъ, имѣлъ *преимущественное* употребленіе въ XIV—XV вѣкахъ“. Странное утвержденіе! „Чинъ хиротоніи ставрофора“ не могъ возникнуть ранѣе конца XIV в., а съ первой половины XV вѣка прекратили свое существованіе самыя ставрофоры. Явно, что чинъ хиротоніи ставрофора имѣлъ отнюдь не *преимущественное*, а *исключительное* употребленіе

въ 14—15 в. „Это не было, говоритъ проф. Соколовъ, возражая мнѣ, явленіемъ случайнымъ и спорадическимъ, такъ какъ вытекало изъ коренныхъ началъ византійскаго міровоззрѣнія“. Это совершенно невѣрно. По „коренному міровоззрѣнію“, съ которымъ никогда не разставалась и Византія, „діаконы да пребываютъ въ своей мѣрѣ, зная, что они суть служители епископовъ и низшіе пресвитеровъ“, а потому „ни же сидѣти посредѣ пресвитеровъ позволено діаконамъ, ибо то бываетъ не по правилу и не въ порядкѣ“ (Никейск. 18) Ставрофоры же, будучи преимущественно и даже почти исключительно діаконами, совершенно вопреки „коренному міровоззрѣнію“ не только сидѣли выше пресвитеровъ и даже епископовъ, но и представляли власть по отношенію къ нимъ. И Вальсамонъ прямо отмѣчаетъ эту несоотвѣтственность кореннымъ началамъ міровоззрѣнія, говоря: *γίνεται δὲ καὶ τοῦτο παραλόγως* (Bals. ad. can. 18 Nicaen.), *Παραλόγως*—неожиданно, нечаянно, необычно, сверхъ счета. Итакъ, самое ставрофорство было именно, какъ высказался я въ предсоборномъ присутствіи, явленіемъ „случайнымъ спорадическимъ“, какимъ признаетъ его и Вальсамонъ, ибо оно зародилось само собою, а не вытекало изъ каноническихъ началъ т. е. „коренныхъ началъ міровоззрѣнія“, будучи вполнѣ несогласуемымъ съ ними и даже стоя съ ними въ прямомъ противорѣчій, какъ это сознавалось и въ самой Византіи такимъ авторитетомъ византизма, какъ Вальсамонъ. Вся эта аргументація, по существу не оправдываемая фактами, приводится проф. И. И. Соколовымъ для того, чтобы доказать основное положеніе, что „судъ вѣдался исключительно духовными лицами“. Правильнѣе было бы формулировать заключеніе такъ: „судъ вѣдался тѣми, кому поручалъ его патріархъ“, ибо, если патріархъ могъ поручать его діаконамъ, что съ іерархической точки зрѣнія было совершенно *παραλόγως*, то онъ могъ поручать его кому угодно, а слѣдовательно, и мірянамъ, въ чинѣ напр. „патріаршихъ бояръ“, какъ и было то на Руси. Каноничность или неканоничность въ обоихъ случаяхъ будетъ совершенно одинаковою.

9) „Чинъ хиротоніи ставрофора, разсуждаетъ въ предсоборномъ присутствіи проф. И. И. Соколовъ, имѣлъ преимущественное употребленіе въ XIV—XV вѣкахъ, когда

въ Византіи существовалъ чрезвычайно оригинальный институтъ „вселенскихъ судей“ (*καθολικοί κρίται*) (Ц. Вѣд. 51 стр. 221). Въ чемъ состоялъ этотъ „чрезвычайно оригинальный институтъ“ и почему именно существованіе его требовало употребленія хиротоніи ставрофоровъ, проф. Соколовъ не счелъ нужнымъ разъяснить предсоборному присутствію. Мы исполнимъ это за него. Напередъ мы должны, впрочемъ, оговориться, что въ Византіи XIV вѣка наряду съ мнѣнческими „ставрофорами—судьями“ или „судьями—ставрофорами“ существовалъ и дѣйствительный каноническій церковный судъ, въ коемъ сосредоточивались всѣ судебныя дѣла патріархата, но судъ этотъ, какъ каноническій, былъ и соборнымъ судомъ (*συνδικόν δικαστήριον, ἕρδον συνδικόν δικαστήριον, τό τῶν ἐπισκόπων δικαστήριον*), Члены его назывались не ставрофорами, а судьями (*κρίται*) или сосудящими (*συνδικάζοντες, συνδικασταί* Zhischmann. S. 22). Но эти не были и „каеолическіе судьи“, о которыхъ говоритъ проф. И. И. Соколовъ. Кѣмъ же были эти послѣдніе? Увы! они были гражданскими сановниками, командируемыми государствомъ въ соборный судъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ и поддержанія государственныхъ интересовъ—*συχληρτικοὶ ἄρχοντες, καθολικοί κρίται* (Zhischmann, 37). Другихъ вселенскихъ судей (*καθολικοί κρίται*) Византія не знала.

10) По теоріи предсоборныхъ канонистовъ, пресвитеръ священнодѣйствуетъ только *по порученію* епископа, а потому и неравноправенъ въ своемъ священнодѣйствіи епископу, въ чемъ и заключается отличіе пресвитера отъ епископа. Проф. Алмазовъ „дабы разсѣять всякія сомнѣнія все о дѣйствительности того же порученія“ побѣдоносно и торжественно приводитъ 36 правило апостольское, присовокупляя, „что какія либо поясненія къ нему излишни“. Поясненія, можетъ быть, дѣйствительно излишни, но поправка безусловно необходима. Проф. Алмазовъ приводитъ правило такъ: „Аще кто, бывъ рукоположенъ отъ епископа, не приметъ служенія и попеченія о народѣ, *ему порученнаго*, (курсивъ г. Алмазова) да будетъ отлученъ, доколь не приметъ онаго. *Тякожде и пресвитеръ и діаконъ*“ (курсивъ г. Алмазова Ц. Вѣд. 48 стр. 183).

Между тѣмъ въ подлинномъ правилѣ говорится вовсе не о рукоположеніи *отъ* епископа, а о рукоположеніи *во* епи-

скопа. Въ первомъ случаѣ оно не имѣло бы смысла, такъ какъ, кромѣ упоминаемыхъ далѣе пресвитеровъ и діаконовъ, епископомъ рукополагаются только иподіаконы и чтецы, которымъ „попеченіе о народѣ“ не поручается и о которыхъ странно было бы говорить въ началѣ правила, чтобы потомъ перенести аналогію на пресвитеровъ и діаконовъ. Въ подлинникѣ же, даже по синодальному переводу правило читается такъ: „Аще кто, бывъ рукоположенъ во епископа, не приметъ служенія и попеченія о народѣ, ему порученнаго, да будетъ отлученъ доколѣ не приметъ онаго. Такожде и пресвитеръ и діаконь“.

Такимъ образомъ правило утверждаетъ, что служеніе *поручено* епископу, какъ поручено оно и пресвитеру, и что въ этомъ они подобны другъ другу, а не отличаются другъ отъ друга. Искаженіе правила не можетъ быть объяснено опечаткою, ибо, если бы оно приведено было вѣрно, то изъ него слѣдовало бы и заключеніе, какъ разъ обратное тому, которое дѣлаетъ изъ него г. Алмазовъ. Да не подумаютъ, однако, что мы предполагаемъ со стороны г. Алмазова преднамѣренное искаженіе правила и рискуемъ подвести его подъ указываемую тѣмъ правиломъ эпитимію, т. е. въ данномъ случаѣ отлученіе, „дабы онъ врачуемъ былъ отъ того, въ чемъ преткнулся“, сообразно второму правилу Трульскаго собора. Нѣтъ! для „предсоборныхъ канонистовъ“ дѣло объясняется гораздо проще. Они не доктрины свои выводятъ изъ каноновъ, а канонами пользуются только для иллюстраціи и подтвержденія своихъ доктринъ, при чемъ естественно читать въ правилѣ только то, что желаешь въ немъ найти.

11) Къ правоспособности, сообщаемой посвященіемъ (слѣдовало бы сказать „рукоположеніемъ“), разсуждаетъ проф. М. А. Остроумовъ, присоединяется дѣеспособность черезъ *архіерейское порученіе* при опредѣленной церкви въ извѣстныхъ предѣлахъ исполнять священническую должность. Это порученіе *выражается въ грамотѣ*, выдаваемой архіереемъ священнику“. Ц. В. 49 стр. 181) Не мѣшало бы проф. М. А. Остроумову припомнить, что пресвитеръ и рукополагается только въ опредѣленную церковь, такъ какъ безъ указанія церкви канонъ безусловно воспрещаетъ рукополагать кого либо, объявляя, что въ противномъ случаѣ рукоположеніе

не дѣйствительно, а рукополагаемые не допускаются къ служенію „къ посрамленію поставившаго ихъ“ (Халкид. 6); явно, что, по канонамъ, церковь поручается пресвитеру въ самомъ рукоположеніи, а не черезъ особое „архіерейское порученіе“, выражаемое въ ставленной граматѣ, выдаваемой архіереемъ. Почтенный канонистъ смѣшиваетъ злоупотребленіе съ церковнымъ строемъ, выводитъ lux a non lucendo. Проф. М. А. Остроумовъ, слѣдуя аристотелевской терминологіи, различаетъ правоспособность—*δύναμις*, подаваемую, по его мнѣнію, черезъ рукоположеніе, и дѣеспособность *ἐνέργεια*, подаваемую чрезъ „архіерейское порученіе“ или ставленную грамоту. Но это различеніе абсолютно невѣрно и представляетъ только свободный вымыселъ. Ставленная грамота есть своего рода паспортъ, дипломъ, а не „порученіе“, котораго нѣтъ надобности и давать, ибо опредѣленная церковь поручена пресвитеру черезъ самое его въ нее рукоположеніе, совмѣщающее въ себѣ и *δύναμις* и *ἐνέργεια*.

12) Проф. М. А. Остроумовъ утверждаетъ, что епископъ поручаетъ пресвитеру совершать священнодѣйствія „въ извѣстныхъ предѣлахъ“, что и выражаетъ въ ставленной ему граматѣ. „Эти грамоты“, поясняетъ онъ свою мысль, „потому разнятся между собою, что въ различныхъ церквахъ и въ различныя времена въ нихъ сообщаются пресвитерамъ полномочія въ различномъ объемѣ“ (Церк. Вѣд. 49 стр. 181). Но истинѣ совершенно новая и по истинѣ совершенно невѣрная теорія! Прежде, чѣмъ доказать самую невѣрность этого утвержденія, остановимся на вопросѣ, къѣмъ собственно опредѣляется этотъ объемъ отмѣриваемаго пресвитеру священнодѣйствія: всею ли мѣстною церковью, какъ напр. русскою, константинопольскою, александрійскою, сербскою и т. д. или каждымъ епископомъ для своей епархіи. Въ первомъ случаѣ епископъ *поручалъ* бы пресвитеру только то, что *поручено ему поручать* вышею для него властью, а потому и пресвитеръ *получалъ бы порученіе* черезъ епископа, но не *отъ* епископа, а *отъ* высшей и для него и для епископа власти. Но и въ этомъ случаѣ выходило бы, что *полномочія* напр. александрійскаго пресвитера одни, а константинопольскаго или русскаго другія. Но *правоспособность* или, что то же самое, *полномочіе* (*δύναμις*) и по теоріи проф. Остроумова дается черезъ рукоположеніе, а отсюда бы слѣдовало,

что константинопольскій напр. пресвитеръ получаетъ при рукоположеніи одни дары, а александрійскій или русскій другіе. Если же предположить, что епископъ по общему для всей мѣстной церкви правилу урѣзываетъ въ ставленной грамотѣ полномочія, предоставляемая рукоположеніемъ, то получалось бы вѣчто ни съ чѣмъ уже несообразное, ибо у Бога испрашивался бы даръ, а затѣмъ предписывалось бы оставлять его втуне, еслибы даже не предполагать, что полученный даръ ставленной грамотой вовсе отнимается. Еще болѣе, конечно, несообразностей возникало бы въ томъ случаѣ, если-бы каждый епископъ по своему произволу и усмотрѣнію опредѣлялъ „объемъ полномочій“ рукоположеннаго или рукополагаемаго пресвитера. Тогда и только тогда теорія порученія была бы блистательно доказана, но доказана только на основаніи фактовъ, свободно измышленныхъ проф. Остроумовымъ, и лично ему принадлежащихъ доктринъ. Проф. Остроумовъ, говоря о различіи содержаніи ставленныхъ грамотъ, не принимаетъ въ соображеніе того, что ни древне-русскія, ни греческія ставленные грамоты (*υρασις βυβλιον*) не заключаютъ въ себѣ ни перечисленія полномочій и обязанностей пресвитера, ни какихъ бы то ни было инструкціонныхъ ему указаній, что составляетъ исключительную особенность нынѣшнихъ русскихъ ставленныхъ грамотъ, текстъ которыхъ составленъ въ послѣднія времена, а окончательная редакція принадлежитъ митрополиту Филарету (1864 г.). Отсутствие этого перечисленія полномочія и какихъ бы то ни было инструкціонныхъ указаній вполнѣ опредѣляется самимъ характеромъ грамотъ, которыя писались не для тѣхъ лицъ, кому онѣ вручались, а для тѣхъ, кому они должны были предъявлять ихъ, какъ доказательство того, что они законно рукоположены и не лишены своего сана, а потому могутъ отправлять свое служеніе. Совершенно вѣрно опредѣляетъ значеніе ставленной грамоты г. Неселовскій. „Подъ именемъ ставленной грамоты“, говоритъ онъ, „разумѣется документъ, удостовѣряющій, что данное лицо, владѣющее по праву этимъ документомъ, законно рукоположено, поставлено въ ту или иную священную степень и не находится подъ запрещеніемъ“ (Неселовскій Прилож. XXXV). Различія въ исчисленіи предоставляемыхъ полномочій, на которое опирается проф. М. А.

Остроумовъ, не могло существовать уже потому, что въ „ставленныхъ граматахъ, кромѣ однообразно издаваемыхъ Св. Пр. Синодомъ, никакого исчисленія полномочій не существовало и не существуетъ (Текстъ греческой граматы— *βυστατικον εις δερεα* см. *Дмитріевскій* 617. Древне-руссія граматы. *Неселовскій*. Прил. ХІІІ Р.). Итакъ, вся аргументація проф. М. А. Остроумова представляетъ свободный плодъ его фантазій.

13) „Въ нашей церкви“, говоритъ пр. Остроумовъ въ поясненіе приведенной выше доктрины, „каждый приходскій священникъ можетъ совершать исповѣдь.. но въ греческой церкви существуютъ особые „духовные отцы, которые получаютъ особое полномочіе для этого отъ епископа“. Факты сами по себѣ неоспоримы, но, какъ приводимые въ подтвержденіе ложной доктрины, они нуждаются въ освѣщеніи. Уполномочены ли пресвитеры самимъ саномъ своимъ черезъ полученное ими рукоположеніе къ совершенію таинства покаянія? Чинъ исповѣданія вырабатывался и выработался въ исторіи, но не въ немъ сила и суть таинства. Исповѣдывать, вопрошать о грѣхахъ можетъ всякій, но только уполномоченный на то рукоположеніемъ можетъ отпускать грѣхи. Итакъ, уполномоченъ-ли пресвитеръ отпускать грѣхи черезъ самое свое рукоположеніе? Положительный отвѣтъ на это даетъ намъ 52 апостольское правило. „Аще кто епископъ или пресвитеръ обращающагося отъ грѣха не приемлетъ, но отвергаетъ, да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. Опечаливаетъ бо Христа, рекшаго: радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся“. Такимъ образомъ, всѣ пресвитеры съ исконныхъ временъ, какъ въ Греціи, такъ и у насъ и повсюду черезъ самое рукоположеніе уполномочены, подобно епископамъ, принимать кающихся и отпускать грѣхи имъ, но въ Греціи установился обычай исповѣдываться преимущественно и даже исключительно у іеромонаховъ, получающихъ на то особое утвержденіе (*επιταλμα*) отъ епископа. Въ одной изъ такихъ *επιταλμα* говорится, что совершеніе исповѣди особенно (*μαλιστα*) приличествуетъ умершимъ для міра т. е. монахамъ, что уже указываетъ на то, что и другіе пресвитеры могли бы совершать то же служеніе (*Дмитріевскій* 617). Итакъ, разница создана только обычаями.

14) Проф. Дмитріевскій, оспаривая „мысль о томъ, что пре-

свитеры надѣлены какими-то самостоятельными правами“, оспариваетъ и сдѣланную къ-то ссылку „на молитву разрѣшительную читаемую пресвитеромъ... и азъ недостойный іерей *властію мнѣ данною* прощаю и разрѣшаю“. Слова „властію мнѣ данною“, заключаетъ онъ, „какъ бы дають нѣкоторое право говорить о какой-то *власти* и самостоятельности пресвитера“. Справедливо говоритъ проф. Дмитріевскій, что молитва эта позднѣйшаго, западнаго происхожденія и изъ римскаго миссала заимствована въ Требникъ Петра Могилы въ 1646 году, а оттуда перешла и въ Московскій Требникъ. Еще справедливѣе замѣчаетъ онъ, что въ области православія (прибавимъ, въ отличіе отъ Рима) о совершеніи таинства всегда возвѣщается въ третьемъ лицѣ, а не въ первомъ (прибавимъ, какъ объ исходящемъ отъ Бога и отъ Церкви, а не отъ епископа или пресвитера): „Крещается“, „помазуется“, „причащается“, „вѣнчается“ и т. д. Но онъ позабываетъ сказать, что если пресвитеръ въ этомъ случаѣ не долженъ былъ бы говорить „властію мнѣ данною“, то и епископъ въ свою очередь ни въ этомъ случаѣ не долженъ говорить того же самаго, да и вообще ни одного изъ священнодѣйствій своихъ или административно-пастырскихъ дѣяній своихъ не возвѣщаетъ и не можетъ возвѣщать совершаемыми „властію мнѣ данною“, такъ что въ этомъ отношеніи никакого отличія между епископомъ и пресвитеромъ не существуетъ. „Тамъ (на православномъ Востокѣ) продолжаетъ проф. Дмитріевскій, держится такой обычай, что разрѣшать кающагося отъ грѣховъ *можетъ* большею частью только епископъ“. Но это уже не обычай, а убѣжденіе и притомъ ложное убѣжденіе, какъ противное приведенному прежде правилу апостольскому. Впрочемъ, и такое утверженіе будетъ невѣрно. По изданной самимъ г. Дмитріевскимъ энтальмѣ духовному отцу предоставляется какъ производить исповѣдь, такъ и отпускать грѣхи или налагать церковныя епитиміи (Дмитріевскій 782). Только о томъ, что не сможетъ исправить (*διορθώσει*) онъ самъ, передаетъ онъ мѣстному епископу въ виду тяжести грѣха (Дмитріевскій 618). Но это относится къ исключительнымъ случаямъ, о которыхъ въ предшествующей энтальмѣ даже не говорится. Г. Дмитріевскій забываетъ, что въ своемъ изданіи онъ приводитъ многіе чины отпуста (*εὐχὴν συγχρηστικὴν*), производимаго духовнымъ отцомъ

(Напр. Дмитріевскій 485. 503 и другіе). А это уже служить доказательствомъ того, что разрѣшать кающагося даже по держащемуся на православномъ Востокѣ обычаю *можетъ* отнюдь не одинъ только епископъ, дающій право отпускать грѣхи вмѣстѣ съ правомъ производить исповѣдь, но дающій его іеромонахамъ, а не пресвитерамъ, которые, по апостольскому правилу, и безъ того имѣютъ его, хотя по укоренившемуся обычаю и не осуществляютъ.

Въ общей совокупности приведенныхъ выше примѣровъ аргументаціи читатели могутъ усмотрѣть характеръ того научнаго аппарата, который ревнителями „преданія школы“ противопоставлялся ревнителямъ „преданія Церкви“.

Предлагаемый трудъ, скажу въ заключеніе, есть трудъ чернорабочаго. Приведа нѣкоторую часть отрицательныхъ выводовъ, изъ него вытекающихъ, я полагаю, что и положительныхъ выводовъ по отношенію къ ученію о Церкви и таинствахъ и вообще о церковной практикѣ изъ него вытекаетъ также не малое число. Кое-гдѣ я и отмѣтилъ эти выводы въ самой элементарной формѣ. Сколько нибудь полная систематизація ихъ можетъ быть содержаніемъ другого уже труда.

Н. Аксаковъ.
